

СОДЕРЖАНИЕ

Талантище	5
Карузо и Михал Иваныч	6
Чтобы успокоиться	8
Концерт по заявкам	11
Кто желает познакомиться?	12
Конкурс и последствия	14
Сбылось	17
Молчание — знак несогласия	20
Творческие люди	23
Концерт будет супер!	25
Позабыт, позаброшен	31
Бурные аплодисменты	32
Бурные аплодисменты (продолжение).	37
Вот и ладошки	42
Беда	45
Всё будет хорошо	47
Добрая соседка	50
Кто там? Баба Маша!	52
Стрижка и гости	57
Колыбельная для взрослых	60
Баба Маша разбушевалась	62
Жил да был сынок у мамы	64
Последняя ночь	66
Анатолий Степаныч	67
Дамы приглашают кавалеров	72
Дом напротив	74
Концерт в Большом театре	76

ТАЛАНТИЩЕ

Зарик лежит и смотрит в окно. Зарик — сокращённое от «Зареслав». Этим именем наградила его мама. Решила, что так будет красиво. Мол, мальчик, славящий зарю. А по-моему — ерунда, думает Зарик. И в школе никак не могут привыкнуть. Ни дети, ни учительница. То Зоресливом обзовут, то Зыриславом, то просто крикнут: Зырян. А то вообще — Зырик. От слова «зырять». Дескать, глаза большие, зырит на всех и на всё. Спасибо, очень по-доброму.

Зарик смотрит в окно. Ночь. Темно, а в темноте светятся лестничные площадки здания напротив. И там ходят тени людей. Вверх-вниз, туда-сюда. Слоняются тени по коридорам. Чёрные силуэты, чёрные лестницы. Своя загадочная жизнь. Но, может быть, в этом самом доме напротив тоже сейчас кто-нибудь лежит и смотрит в окно. И этому кому-нибудь тоже кажется, что в доме Зарика ходят люди-тени. Вниз-вверх, туда-сюда. По жёлтому от света лампочек коридору.

Ещё вчера была Москва, а сегодня уже его маленький, никому не известный, всегда холодный городок.

В Москву Зарик поехал, потому что он одарённый ребёнок. Нет, Зарик не сам себя так называет, это просто конкурс такой устроили — «Одарённый ребёнок». Туда приехали дети из всех городков области. Певцы, танцоры, музыканты, поэты, художники... Зарик тоже поехал. Мама ему сказала:

— Ты у меня талантище. Весь в маму. Обязан участвовать.

Особого талантища, Зарик считал, у него не было. Ну, голос громкий, это да. Петь любит. Даже соседи жалуются. Но так, чтоб прямо на конкурс... Ну, он позанимался, конечно, с Михал Иванычем.

КАРУЗО И МИХАЛ ИВАНЫЧ

Михал Иваныч — солист местного военного ансамбля. Голос у него низкий-низкий, как у медведя. И потому ему очень подходит такое имя с отчеством. Михал Иваныч — это звучит гордо. Не то что какой-то Зарик.

Зареслав приходил к Михал Иванычу заниматься. Прямо в военную часть. Рядом с частью всё время какая-то бабушка торчит. Вся закутанная с ног до головы, — только сморщенное личико. Кормит голубей булкой. Голуби налетают, как ненормальные, чуть не на голову ей садятся.

Зарик долго мается на морозе, ожидая, пока педагог освободится. Или пока часовой, который часть охраняет, обратит на Зарика внимание. И спросит грустно:

— Парень, чего тут крутишься? Военные секреты хочешь стибрить?

— Н... н... не хочу, — отвечает Зарик, дрожа от холода. — Я тут з... з... занимаюсь. Пением.

— Тут чего тебе, музыкальная школа?.. — печалится часовой.

— Да нет, я у Михал Иваныча.

— Разберёмся, — бурчит часовой, звонит кому-то по радиции. Потом поднимает глаза на Зарика: — Жди.

И Зарик снова ждёт. А с крыши будки часового свешиваются большие сосульки. И кажется, скоро от холода Зарик сам превратится в сосульку.

Наконец к воротам подходит огромный Михал Иваныч.

— Ну, здравствуй, Карузо! — басит он так громко и низко, что голуби, клюющие хлебные крошки, удивлённо поднимают головы. Кажется, будто бас у него на морозе становится ещё гуще. А у Зарика, наоборот, совсем уже пропал голос от такой холодины собачьей.

Он идёт за Михал Иванычем в концертный зал, где в углу сцены стоит рояль.

Михал Иваныч грузно садится за рояль, пробегает пальцами по клавишам, туда-сюда. Разыгрывается.

— Ну-с, Карузо, запузырим гаммочку для разогреву! — гремит он так, что колышется занавес. — На «а».

— А-а! А-аа!! А-ааа!!! А-аааа!!!! — тянет Зарик выше и выше.

—Теперь на «и».

—И-и! И-ии!! И-ииии!!! И-иииии!!!!

—Не «йи»! — кричит Михал Иванович. — Не «йи»! Просто «и»! Сколько раз повторять!

Поют они долго. Пока у Зарика не начинает кружиться голова. Потом он даёт Михал Ивановичу триста рублей за урок и идёт восвояси.

—Отпел? — грустит часовой.

—Да, — отвечает Зарик неожиданно густо. И очень радуется. Значит, появляется «тембр», тот самый, о котором ему каждое занятие твердит Михал Иванович:

—Ты почувствуешь, когда это произойдёт по-настоящему. Вот так будешь петь, петь, заниматься, и на высокой ноте вдруг — р-р-раз! И — как будто окно распахнётся. Это и будет тембр.

ЧТОБЫ УСПОКОИТЬСЯ

И так Зарик занимался, занимался, а потом поехал на фестиваль. Ехал в поезде целый день, с Аней и Ниной. И с баянистом. Аня и Нина тоже были одарённые дети. И тоже пели. Баянист был мамин знакомый. На перроне мама сказала:

—Передаю вам, товарищ Пестрецов, своего отпрыска. Следите, чтоб не пил и не гулял. Он должен победить.

Всегда мама так шутит. «Не пил, не гулял...» Ну, однажды, конечно, было дело. Немножко выпил. Но это

он очень волновался. В школе тогда был концерт к Первому сентября. И Зарик должен был солировать в песне «Когда уйдём со школьного двора».

За кулисами от страха он стоял весь холодный и трясся. Шутка ли. Первое серьёзное выступление.

И тогда старшекласник Серёга Потехин, который был назначен вести концерт, предложил Зарику:

—Квакни.

Зарик не понял:

—Чего?

—Ну, квакни.

—Ква, — удивлённо сказал Зарик.

—Лопух, — заметил Потехин. — Ну, клюкни. Выпей то есть.

—Как выпей?

—Ртом! — разозлился Серёга. — Вот, держи. Сразу полегчает.

И, оглянувшись по сторонам, осторожно достал из-под пиджака бутылочку с чем-то тёмным и протянул Зарику.

Зарик отказался. Но чем ближе подходил момент его выступления, тем становилось страшнее. И когда Зарик увидел, как хор, в котором он сейчас должен будет солировать, суетливо собирается, он неожиданно для себя подошёл к Потехину и твёрдо сказал:

—Где водка?

Это была не водка, но всё равно что-то противное. Зарик хлебнул и поперхнулся. И убежал за сцену откашливаться. Во рту было очень неприятно, и вообще как-то... странно всё стало. И не сказать, что Зарик сильно успокоился. Видно, мало выпил, подумал он и, решительно вздохнув, влил в себя ещё немного из бутылочки.

По телу пошли колотья иголки. Стало вдруг не то что не страшно, а как-то всё равно. И вот Потехин объявляет:

— Дорогие учителя! Для вас поёт сводный хор младших классов. «Когда уйдём со школьного двора!» Солист — Зра... — (Ну, вот, даже он запнулся, увидев в сценарии такое имя!) — Зар... Зареслав Абашев!

Под аплодисменты вышел хор, распределился по центру сцены. За хором, пошатываясь, шёл Зарик.

Как пел — не помнит. Помнит только, что сильно всё гудело. И в зале, и у него в голове. А потом пришёл домой и провалился в сон. И утром проснулся с огромной головой. Очень болевшей. Голова болела весь день, и на душе было очень неприятно. И Зарик решил, что пить больше никогда не будет.

Тем более сейчас, на конкурсе «Одарённый ребёнок».

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ

И вот они с Аней, Ниной и баянистом сели в поезд и поехали. Аня и Нина всю дорогу репетировали с товарищем Пестрецовым. Он на баяне играл, а они пели. А соседи по вагону слушали. И аплодировали.

Тогда Зарик тоже решил спеть. Подумал, страх не страх, а тренироваться надо. На публике, как говорила мама. Может, и ему поаплодируют. Он спел «Когда уйдём со школьного двора» и песню «Малыш», от которой мама всегда плакала, особенно на словах: «Поднимает мать сыночек на руках под потолок». Ему тоже похлопали. А одна старушка даже прослезилась. Тут худой, весь костистый мужчина в тельняшке спросил:

— Парень, а Высоцкого знаешь?

Зарик немножко знал. Потому что у мамы был такой диск. Когда к ней приходили друзья с работы, они слушали этот диск и пили водку. И курили так, что Зарик закашливался.

— Знаю, — гордо сказал Зарик и, стараясь посылнее хрипеть и басить, затянул на весь вагон:

— Вдоль обрыва, по-над пропастью,
По самому по краю,
Я коней своих нагайкою
Стегаю, погоняю...

Зарик пел всё громче и громче, заглушая иногда даже грохот вагонных колёс. Когда он закончил, вагон

долго молчал. Потом к Зарику подошёл костистый в тельняшке, достал из кармана штанов сто рублей и протянул:

— Держи, парень. Держи. Купи себе что хочешь, только это... Больше никогда не пой. Особенно Высоцкого.

Но Зарик почти не обиделся. Мама говорит, что «публика — дура». И он понял, что этот мужчина тоже, наверное, дурак. К тому же, денежки пригодятся. А петь он на конкурсе будет не для таких костистых хамов, а для понимающих.

КТО ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ?

А откуда мама знала про публику? Она всю жизнь мечтала работать в театре. И даже почти поступила в театральный институт. Но ей сказали: нет органики. Мама обиделась и поступила в областное училище культуры, а потом пришла работать в городское культурное управление.

Сперва всё было хорошо, мама много ездила с концертами по всяким посёлкам и тундрам, даже на вертолётах к оленеводам летала. Читала им разные антиалкогольные стихи. Чтоб не пили. Вот, например, такие.

Баянист был очень пьян,
Растянуть не смог баян.
Два помощника в момент
Разорвали инструмент.

Зарик, когда в первый раз услышал этот стишок, от смеха свалился с кровати. А оленеводы почему-то не смеялись. Слушали обычно молча, задумчиво. Может, у них не было чувства юмора. А может, это потому, что они не знали русского языка.

В общем, всё было неплохо. А потом постепенно становилось хуже и хуже. «Культура в упадке», — качал головой Фёдор Александрыч, мамин начальник. Концерты оленеводам стали не нужны, дома культуры везде закрывались. Потом стали закрываться и сами посёлки. И городские концерты проводились всё реже и тише.

А ещё потом маме перестали платить зарплату. То есть не только маме, а вообще всем. Такое было тяжёлое время.

И тогда мама погоревала-погоревала и решила подрабатывать в клубе знакомств. Она просто всегда была в поиске любви и сначала искала любовь одна, а потом решила, что если она ищет, то, может, и ещё кому-нибудь надо.

Так в городе появился клуб «Надежда и компания». На самом деле маму звали не Надежда, а Марина. А Надеждой она решила назваться специально. Чтобы одинокие люди, желающие познакомиться с кем-нибудь, видели, что тут, в клубе, есть надежда. И компания.

Мамин клуб проводил свои заседания в кинотеатре «Родина». Туда приходили знакомиться разные жен-

щины и мужчины. Играл местный ансамбль «Восьмая нота». Пили чай и немного пиво. Танцевали. И мама там тоже наконец познакомилась. Привела домой Анатолия Степаныча. Анатолий Степаныч был высокий и, наверное, красивый. Но всё время пил водку. И мама с ним тоже потихоньку стала выпивать. Зарику это очень не нравилось, но что поделаешь.

Анатолий Степаныч был военный в отставке. Речь у него трезвого была мрачной и отрывистой. Когда же напивался, голос становился тонким, почти детским. И некоторые буквы специально не выговаривались. Например, капризно обращался к маме:

—Ну фто? Ну фто, тыковка моя? Тыква ты, яфно?
«Яфно» означало «ясно».

КОНКУРС И ПОСЛЕДСТВИЯ

Анатолий Степаныч тоже был на вокзале, провожал Зарика вместе с мамой. Пьяный и шепелявящий. Но обращался к Зарику почему-то на «вы»:

—Ну фто, Варефлав, вы уж всех их там рафтолкайте! И первое мефтечко фтоб было, яфно? Аааа?..

И это «аааа» было тоже таким детским и дурашливым.

...А поезд приехал в большой город. И Зарик на конкурсе занял третье место. Получил грамоту и диск

«Звёзды мировой оперы». А Аня и Нина ничего не заняли. И товарищ Пестрецов утешал их: мол, это только первый шаг. Но девчонки всё равно весь вечер ревели, а товарищ Пестрецов всё играл на баяне, чтоб заглушить их рёв, и вообще было очень шумно. Но зато победителей ждал главный приз — поездка в Москву. И вот только вчера Зарик вернулся из столицы. Полный впечатлений.

И вот уже давно пора спать, а он всё лежит и смотрит в окно. И ходят в доме напротив тени-люди. И чернеют лестницы в жёлтых коридорах.

Там была девочка. Много было разных других девочек, и художниц, и музыкантш, и танцовщиц... И все одарённые. Все победители. Но эта была совсем особенной. Кремль, Царь-пушка, всякие музеи и даже концерт известного пианиста в Большом зале Консерватории — всё как-то отошло на второй план.

На конкурсе он почти не помнил этой девочки. А в Москве вдруг разглядел. Она была в белой шубке, рыжая и с большими пушистыми ресницами. Такими большими, что на них всё время лежали снежинки. И когда улыбалась, была похожа на лисичку.

Однажды вечером в гостинице она села за рояль, стала играть и петь. И он смущённо подошёл к ней и стал за спиной подпевать.

А она удивлённо обернулась, но не прервала. И стали петь вместе: